

Посягательство на предмет несуществующий или очевидно негодный для реализации умысла и последствия такого деяния по Уголовному уложению 1903 г.

Аннотация. Одна из новаций Уголовного уложения 1903 г. состояла в том, что в нем в качестве обстоятельства, влекущего непроступность деяния, была предусмотрена направленность последнего на предмет несуществующий или негодный для достижения искомого преступного результата. В статье показаны теоретические и практические предпосылки данной новации. Представлена и проанализирована практика Правительствующего сената (высший суд Российской империи) относительно посягательств на мнимый или негодный предмет (объект) преступления в период действия Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, предшествовавшего Уголовному уложению 1903 г. Сделан вывод о противоречивости изученной судебной практики и объективной потребности правоприменителей того времени в четких и разумных критериях по указанному вопросу. Проанализирован замысел разработчиков Уголовного уложения 1903 г. касательно рассматриваемого обстоятельства, а также соответствующее положение закона. Сделан вывод, что идеи и суждения, высказанные в ходе разработки и оценки соответствующего нормативного предписания, могут быть востребованы при совершенствовании УК РФ, который прямо не регламентирует ответственность за покушение на негодный объект.

Ключевые слова: обстоятельства непроступности деяния; Уголовное уложение 1903 г.; Уложение о наказаниях уголовных и исправительных; покушение на негодный объект; мнимое преступление; предмет преступления; судебная практика Правительствующего сената; ошибка в предмете преступления; идеальная совокупность преступлений; общественная опасность деяния.

Для цитирования: Скобликов П. А. Посягательство на предмет несуществующий или очевидно негодный для реализации умысла и последствия такого деяния по Уголовному уложению 1903 г. // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 8. — С. 11–21. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.165.8.011-021.

© Скобликов П. А., 2024

* Скобликов Петр Александрович, доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права РАН
Знаменка ул., д. 10, г. Москва, Россия, 119019
skoblikov@list.ru

Encroachment on a Non-Existing Object or an Object Obviously Unsuitable for Implementation of Intent and the Consequences of such an Act under the Criminal Code of 1903

Petr A. Skoblikov, Dr. Sci. (Law), Leading Researcher, Sector of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
skoblikov@list.ru

Abstract. One of the innovations of the Criminal Code of 1903 was that it provided for the possibility to consider an object that did not exist or was unsuitable for achieving the desired criminal result as a circumstance entailing the non-criminality of the act. The paper explains theoretical and practical prerequisites for this innovation. The paper analyzes the practice of the Governing Senate (the Supreme Court of the Russian Empire) regarding encroachments on an imaginary or unusable object (object) of a crime during the period of validity of the Code on Criminal and Correctional Punishments – the predecessor of the Criminal Code of 1903. The author argues that the studied judicial practice was inconsistent and it was not necessary for law enforcement officers of that time for clear and reasonable criteria on this issue. The author analyzed the ideas and intent of the drafters of the Criminal Code of 1903 regarding the circumstance in question, as well as the corresponding provision of the law. It is concluded that the ideas and judgments expressed during the development and evaluation of the relevant normative regulation may be in demand when improving the Criminal Code of the Russian Federation, which does not directly regulate liability for an attempt on an unusable object.

Keywords: non-criminality defense; Criminal Code of 1903; Code of Criminal and Correctional Punishments; attempt on an unsuitable object; alleged crime; the subject of the crime; judicial practice of the Governing Senate; error in the subject of the crime; ideal combination of crimes; public danger of the act.

Cite as: Skoblikov PA. Encroachment on a Non-Existing Object or an Object Obviously Unsuitable for Implementation of Intent and the Consequences of such an Act under the Criminal Code of 1903. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(8):11-21. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.165.8.011-021

Уголовное уложение 1903 г. — уникальный памятник российского уголовного права

Чуть более 120 лет назад императором Николаем II было утверждено Уголовное уложение 1903 г. (далее — Уложение 1903 г.) — последний по времени принятия фундаментальный законодательный акт Российской империи в области материального уголовного права¹. История его создания неординарна. Никакой иной крупный отечественный правовой акт столь основательно не опирался на передовую юридическую науку и актуальную правоприменительную практику, не разрабатывался в обстановке невиданной прежде открытости. Среди его разработчиков знаменитые ученые того времени, которые оставили большой след

в уголовно-правовой науке и творческое наследие которых до сих пор востребовано: Н. А. Неклюдов, Н. С. Таганцев, И. Я. Фойницкий. Проект Уложения был направлен для получения отзывов на юридические факультеты и в юридические общества России, переведен на иностранные языки, а затем представлен ведущим зарубежным ученым. Помимо сказанного, и это не менее значимо, были запрошены отзывы из региональных судебных и прокурорских учреждений, и в составлении таких отзывов принимали участие опытные практические работники из многих губерний огромной России. Поступившие отзывы обобщались и рассматривались Редакционной комиссией, создавшей проект, а затем ее аргументированная позиция по ним была опубликована.

¹ См.: Уголовное уложение 1903 года // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2017. № 7.

Обстоятельства, исключающие преступность деяния, в Уложении 1903 г.

Одно из достижений Уложения 1903 г. состоит в том, что в нем впервые в отечественном законодательстве были обобщены, систематизированы и последовательно регламентированы обстоятельства, исключающие преступность деяния: 1) исполнение закона (ст. 44); 2) исполнение приказа по службе (ст. 44); 3) необходимая оборона (ст. 45); 4) принуждение со стороны кого-либо (ст. 46); 5) крайняя необходимость (ст. 46); 6) направленность на несуществующий или негодный для совершения преступного деяния предмет (ст. 47)².

Совершенные при перечисленных обстоятельствах деяния объединяет то, что они ущемляют права и законные интересы каких-либо субъектов, причиняют им вред либо создают условия для причинения вреда, содержат признаки преступления, однако предполагается, что по тем или иным причинам эти деяния не представляют общественной опасности, и потому некоторые блага потерпевших в этих случаях лишаются уголовно-правовой охраны. Одному из перечисленных обстоятельств, последнему по порядку, и посвящена настоящая работа.

Степень научной разработанности темы настоящего исследования

В ходе мониторинга юридической литературы, изданной после принятия Уложения 1903 г., не удалось обнаружить работы, нацеленные на анализ и оценку ст. 47 данного правового акта. Вместе с тем в дореволюционной литературе этот вопрос бегло рассматривался наряду с другими в тематически широких изданиях, посвященных Уложению 1903 г. или русскому уголовному праву в целом. Так, Г. Е. Колоколов

в работе, ориентированной на критический анализ Уложения 1903 г.³, ограничился тем, что лишь процитировал ст. 47. При этом, обращаясь к ст. 49, в части 4 которой содержится постановление по близкой теме — о последствиях покушения с очевидно негодным средством, выбранным по крайнему невежеству или суеверию, он подвергает это постановление критике⁴.

Более подробно высказался П. П. Пусторослев в лекциях, изданных в 1907 г., отметив три подробности. Во-первых, в действовавших тогда уголовных законодательствах так называемых культурных государств не содержалось постановлений о покушении на негодный объект; Уложение 1903 г. в этом смысле явилось исключением. Во-вторых, судебная практика в этом отношении в разных государствах демонстрировала разнообразие. Например, во Франции судебная практика признавала одни из покушений рассматриваемого вида непроступными, а другие преступными. Германский имперский кассационный суд с 1880 г. признавал преступными любые покушения на негодный объект. В-третьих, Пусторослев считал, что ст. 47 Уложения 1903 г. «дает довольно удовлетворительное решение вопроса о покушении над негодным объектом», но этим и ограничился, свою позицию аргументировать не стал⁵.

Еще подробнее высказался по данной теме Л. С. Белогриц-Котляревский, который констатировал не только отсутствие в зарубежных уголовных кодексах разрешения вопроса о покушении на негодный объект, но и шаткость и разноречивость как судебной практики, так и *теории уголовного права* в этом пункте. Как и Пусторослев (а точнее, то вперед него, поскольку работа Пусторослева издана несколькими годами позже), Белогриц-Котляревский обращает внимание на то, что на фоне иных известных уголовных кодексов Уложение 1903 г. являет

² Некоторые из указанных статей посвящены сразу двум обстоятельствам.

³ Колоколов Г. Е. Новое уголовное уложение: толкование и критический разбор. М. : Типо-лит. Ю. Венер, преимн. О. Фальк, 1904. С. 37.

⁴ Колоколов Г. Е. Указ. соч. С. 35–36.

⁵ Пусторослев П. П. Русское уголовное право : Общая часть. Вып. 1. Юрьев : Тип. К. Маттисена, 1907. С. 416.

собой исключение, однако он этим и ограничивается, не дав ст. 47 какой-либо оценки⁶.

Вместе с тем Белогриц-Котляревский предложил определенное решение проблемы ответственности за покушения на негодный объект (поскольку этот автор не указывает, что излагает и поддерживает чью-либо идею, уместно предположить, что она принадлежит ему самому). Для правильного разрешения вопроса необходимо различать несколько типов покушений рассматриваемого вида⁷, в зависимости от которых, а также от некоторых дополнительных условий по-разному решался вопрос о наступлении уголовной ответственности и квалификации содеянного. Изложение этих идей заняло полторы страницы книги. Предложений о том, как следовало бы изменить или дополнить закон, автор не сформулировал. Свои идеи с предписанием ст. 47 Уложения 1903 г. не соотнес⁸.

В советский период интерес к Уложению 1903 г. со стороны правоведов по ряду причин

значительно ослаб. Во-первых, этот правовой акт вскоре после смены власти в стране прекратил свое действие. Во-вторых, делались попытки создать и усовершенствовать принципиально новое социалистическое право, призванное способствовать построению, закреплению и развитию социалистического общества, базирующегося на радикально другом типе экономики, исповедующего иные, во многом противоположные ценности, в связи с чем анализ положений буржуазного кодекса в представлении многих потерял актуальность⁹. В-третьих, проявляющие инакомыслие правоведы подвергались притеснениям и гонениям (сначала ограничениям на занятие профессиональной деятельностью, а позже и уголовным репрессиям), что не способствовало объективному и свободному анализу Уложения 1903 г.¹⁰

Справедливости ради стоит отметить, что главный идеолог Октябрьской революции 1917 г. в России В. И. Ленин иначе представлял

⁶ Белогриц-Котляревский Л. С. Учебник русского уголовного права. Общая и особенная части. Киев [и др.] : Южно-Русское кн-во Ф. А. Иогансона, 1903. С. 183.

⁷ Л. С. Белогриц-Котляревский предлагает выделять следующие типы покушения: а) посягательство на негодный объект в собственном смысле, т.е. на такой, «который не совмещает в себе требуемых по закону условий, определяющих понятие данного преступления» (например, не является попыткой убийства стрельба в пень, если стреляющий ясно видел, что это — пень); б) посягательство на такой объект, «который сам совмещает условия, требуемые для понятие данного преступления, но они не совпадают с теми, на которое направлено было преступное намерение лица» (например, А. хотел украсть бриллиант, но обнаружил, что похитил менее ценный кристалл); в) посягательство на физически не существующий объект (например, сделана попытка потопить несколько дней назад снесенную мельницу); г) посягательство на объект существующий, но находящийся в другом месте.

⁸ См.: Белогриц-Котляревский Л. С. Указ. соч. С. 182–183.

⁹ Нарком юстиции РСФСР П. И. Стучка летом 1918 г. писал: «Старые законы были “сожжены”. И напрасно из уцелевших в этом пожарище и обожженных листочков некоторые из наших революционеров стали кроить “уложение русской революции” (под обожженными листочками имеется в виду, вероятно, Уложение 1903 г. — Л. С.), вместо того, чтобы творить действительно новые революционные законы. Пролетарская революция обязывает к творчеству» (Стучка П. Пролетарская революция и суд // Пролетарская революция и право. 1918. № 1. С. 3).

¹⁰ Так, И. В. Славин в книге с говорящим названием напоминал, что в РСФСР еще в 1919 г. был принят декрет о закрытии юридических факультетов, так как они, по мнению властей, являлись местом мобилизации враждебных сил (Славин И. Вредительство на фронте советского уголовного права. М. : Советское законодательство, 1931. С. 10). В этой же публикации автор клеймил агентов буржуазии, которые «на занятых позициях... в организованном порядке ведут свою вредительскую подрывную работу, протаскивают контрабандой свою непримиримую враждебную идеологию, чтобы всевозможными средствами и в самых причудливых формах прививать ее бациллы в доступных областях» (с. 8). И. В. Славин был репрессирован в 1938 г., посмертно реабилитирован в 1955 г.

роль права в социалистическом обществе и не предполагал его полную отмену или замену чем-то абсолютно иным¹¹. Увы, ни одна революция не развивалась строго по плану.

В поздний советский и постсоветский период исследовательский интерес к Уложению 1903 г. возобновился. К настоящему времени большое количество публикаций посвящены этому памятнику права. Кроме того, во многих публикациях рассматриваются различные стороны такого правового феномена, как обстоятельства непроступности деяния. Тем не менее обнаружить среди них те, в которых главной задачей авторы ставят анализ ст. 47 Уложения 1903 г., не удалось. Например, в статье В. Т. Гайкова и А. В. Косарева¹², где предпринята попытка систематизировать все обстоятельства, исключающие преступность деяния (а не только те, которые прямо названы в гл. 8 УК РФ), посягательство на негодный объект даже не упомянуто, как и Уложение 1903 г. При этом исполнение закона в качестве такого обстоятельства в приведенной работе фигурирует¹³, а оно первый и единственный раз в истории отечественного уголовного законодательства было предусмотрено в Уложении 1903 г.

Использование негодного предмета упомянуто в статье В. И. Михайлова¹⁴ при перечислении ситуаций, по Уложению 1903 г. устраняющих преступность деяния, но не более того: под анализ, даже самый краткий, данная ситуация не подпала.

Судебная практика относительно посягательств на мнимый или негодный предмет (объект) преступления в период действия Уложения о наказаниях уголовных и исправительных

Согласно ст. 47 Уложения 1903 г. *не считается преступным деяние, направленное на предмет несуществующий или очевидно негодный для совершения того деяния, которое замыслено*. Это нормативное предписание являлось новацией, поскольку в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. данный вопрос не был урегулирован.

Вместе с тем еще до начала разработки проекта Уложения 1903 г. в России сложилась неоднозначная судебная практика относительно посягательств на мнимый или негодный предмет (объект) преступления, явившаяся результатом толкования некоторых общих положений действующего уголовного закона.

Позиция уголовного кассационного департамента Правительствующего сената (высшей судебной инстанции в Российской империи) (далее — Кассационный департамент) по данному вопросу, пожалуй, наиболее полно отражена и аргументирована в определении по делу помещика Пономарёва № 99 за 1874 г. Высший суд указал, что *если преступное намерение подсудимого было направлено против объекта мнимого или такого, который не мог быть вовсе предметом преступления, то деяние не подлежит уголовному преследованию*. Данный вывод был обоснован следующим. Действующий закон признает совершившимся преступление, «когда в самом деле последовало предна-

¹¹ В работе «Государство и революция», написанной в августе — сентябре 1917 г., он утверждал, что в первой фазе коммунистического общества «буржуазное право» отменяется не вполне, а только отчасти, лишь в меру уже достигнутого экономического переворота, по отношению к средствам производства. «Буржуазное право» признает их частной собственностью отдельных лиц, а социализм делает их общей собственностью. Лишь постольку «буржуазное право» отпадает. Но оно остается всё же в другой своей части — в качестве регулятора распределения продуктов и труда между членами общества. Других норм, кроме «буржуазного права», нет (см.: Ленин В. И. Государство и революция. М.: АСТ, 2020. С. 143–144).

¹² Гайков В. Т., Косарев А. В. Понятие обстоятельств, исключающих преступность деяния, и их классификация // Известия вузов Северо-Кавказского региона. Общественные науки. 2005. № 3. С. 77–79.

¹³ См.: Гайков В. Т., Косарев А. В. Указ. соч. С. 78.

¹⁴ Михайлов В. И. Институт правомерного вреда (обстоятельств, исключающих преступность деяния) в Уголовном уложении 1903 г. // Журнал российского права. 2016. № 5. С. 65–72.

меренное виновным или иное от его действий зло», а потому, если зло вследствие несуществования объекта преступления или абсолютной его негодности не могло вовсе последовать (убийство уже мертвого человека, изгнание плода у женщины небеременной), то не может быть наказуемости деяния как совершившегося (оконченного, если пользоваться современной терминологией) преступления. Точно так же в таком деянии нельзя видеть и покушения на преступление, которое есть приведение злого умысла в исполнение, *ибо не может быть начала приведения в исполнение того, что абсолютно невозможно исполнить* (курсивом выделена формулировка из цитируемого решения; это важный вывод, запомним его)¹⁵.

Вместе с тем изложенного оказалось недостаточно для вынесения решения по делу № 99; в связи с его особенностями Кассационный департамент расширил свою позицию и высказал дополнительные аргументы, представляющие значительный интерес в связи с рассматриваемой темой. Прежде чем воспроизвести и обсудить всё это, целесообразно привести фабулу дела: она облегчит понимание правовой позиции Кассационного департамента.

Обвиняемый Пономарёв выдал вексель потерпевшему Белоусову на сумму 372 руб. Затем Белоусов обратился к обвиняемому с просьбой вексель переписать, так как был не согласен с его формой. Обвиняемый, имея целью уничтожить свой вексель и отказаться от уплаты долга, при встрече вырвал бумагу из рук Белоусова и изорвал ее. Однако оказалось, что уничтоженная бумага являлась векселем, выданным другим лицом — Фивейским. Этот документ Белоусов принес с собой в качестве образца правильного оформления векселя. Московский

окружной суд квалифицировал содеянное как покушение на преступление, предусмотренное статьей 1657 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. в редакции 1866 г.¹⁶

Кассационный департамент констатировал, что в общей части Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1866 г. действительно нет положения, которое бы прямо разрешало данный вопрос, но основанием к его разрешению могут служить следующие нормы. Согласно ст. 10 преступление считается совершившимся, когда на самом деле последовало преднамеренное виновным или другое от его действия зло; а в соответствии со ст. 109, если подсудимый при совершении какого-либо преступления тем самым, хотя и без прямого на то умысла, учинит еще другое преступление, то он подлежит наказанию по правилам о совокупности преступлений¹⁷.

Постигая смысл этих статей, указал Кассационный департамент, нельзя не прийти к убеждению, что если закон уголовный, согласно общему принципу уголовного права о ненаказуемости одного злого умысла, *преследует только такое проявление злой воли, которое могло осуществиться на деле*, т.е. иметь последствием действительное зло, то, с другой стороны, он преследует всякое осуществившееся зло и наказывает его как самостоятельное преступление, хотя бы учинивший зло и не имел на то прямого намерения, лишь бы оно было последствием приведения в исполнение злой воли подсудимого. Этим разрешается и вопрос об ошибке в объекте преступления, а именно: *если объект, на который по фактической ошибке обвиняемого направлено было преступление, оказался предметом, который по свойству своему не мог быть вовсе объектом преступления, и от*

¹⁵ См.: Решения Уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената за 1874 г. Неофиц. изд. Екатеринослав : Тип. И. Когана, 1910. С. 146.

¹⁶ Этой статьей предусмотрена ответственность за похищение или истребление принадлежащих другому каких-либо актов, документов или бумаг в намерении доставить себе или третьему лицу противозаконную выгоду.

¹⁷ Строго говоря, эта ссылка Кассационного департамента на закон некорректна, поскольку буквальный текст ст. 109 иной: «...учинит еще другое, более тяжкое...». Как будет показано ниже, в рассмотренном деле имело место другое, но *менее тяжкое*, преступление, следовательно, оно не подлежит вменению в совокупности.

деяния обвиняемого никакого правонарушения не последовало, то он не подлежит вовсе уголовной ответственности; если же, напротив, объект этот мог быть предметом преступления и зло последовало, хотя и не вполне тождественное с тем, которое подсудимый имел в виду совершить, то обвиняемый подлежит наказанию за совершившееся зло как за самостоятельное преступление¹⁸.

Применив эти соображения к делу № 99, Кассационный департамент пришел к выводу об отсутствии существенных признаков покушения на преступление, задуманное Пономарёвым, и признал его «виновным лишь в умышленном изорвании чужого документа», т.е. в менее тяжком преступлении, предусмотренном статьей 1622 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1866 г.¹⁹

Надо отметить, что первая часть заявленной правовой позиции Кассационного департамента (где сделана ссылка на действующее законодательство, неявно допускающее ответственность за идеальную совокупность преступлений в случае ошибки в предмете преступления) противоречит второй части (при ошибке в предмете преступления ответственность за совокупность преступлений отрицающей), хотя это противоречие и не сразу заметно. Если руководствоваться первой установкой и согласиться с необходимостью применения правила о совокупности преступлений²⁰, тогда следует заключить, что имелись основания квалифицировать действия обвиняемого как совокупность преступлений: покушения на преступление, предусмотренное статьей 1657, и завершенного (оконченного) преступления, предусмотренного статьей 1622.

Поясним наш тезис. Модифицируем фабулу дела Пономарёва. Допустим, потерпевший Бе-

лоусов пришел к нему, держа в руках не вексель Фивейского, а образец заполнения векселя — простую бумагу, выглядящую как вексель, но векселем или каким-либо документом не являющуюся. Эту бумагу Пономарёв вырвал из рук Белоусова и, считая, что она является подписанным Пономарёвым векселем, уничтожил. По логике решения, принятого Кассационным департаментом, в этом случае Пономарёв вообще не должен привлекаться к уголовной ответственности. Между тем если объект посягательства²¹ — субъективное право Белоусова на взыскание долга с Пономарёва, то этот объект не мнимый, он реально существовал в момент посягательства и находился под уголовно-правовой защитой. Предмет посягательства также существовал и, более того, в момент неудачного посягательства находился, вероятно, в непосредственной близости от посягающего, который поторопился и не сумел точно определить его локацию.

Итак, в деле № 99 Кассационный департамент заявил двойственную позицию, которая объективно предопределяла возможность произвольного толкования в подобных делах. Она создавала предпосылки для ухода от строгой ответственности опасных преступников (например, убийц) либо давала аргументы для привлечения их к ответственности за покушение на преступление, если некоторые суды стали бы опираться на первую часть позиции Кассационного департамента, игнорируя при этом вторую часть²².

Исходя из первой части, нельзя признать, что преступный план Пономарёва «абсолютно невозможно исполнить». Напротив, он был реалистичным и перспективным. Белоусов по двум причинам должен был принести с собой

¹⁸ См.: Решения Уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената за 1874 г. С. 147.

¹⁹ См.: Решения Уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената за 1874 г. С. 147–148.

²⁰ Согласимся, абстрагировавшись от буквального смысла действовавшего тогда законодательства и приняв позицию Кассационного департамента, опираясь при этом на принципы разумности и справедливости.

²¹ Что такое объект посягательства, ни в деле № 99, ни в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1866 г. не разъясняется.

²² Симптоматично, что Редакционная комиссия в объяснениях к проекту Уложения 1903 г. довольно подробно разбирает первую часть позиции Кассационного департамента в деле № 99 (и соглашается с ней), но даже не упоминает о второй части.

подписанный Пономарёвым вексель: 1) чтобы при заполнении нового векселя иметь возможность сверить какие-то подробности; 2) чтобы после заполнения и подписания нового векселя вернуть прежний вексель Пономарёву (в противном случае его долг удвоился бы). По всей видимости, вексель Пономарёва Белоусов держал при себе (в кармане, например), но случился «фальстарт» преступника. Соответственно, имело место неудачное покушение на преступление, которое по случайности преступнику не удалось довести до конца (чуть позже он без помех мог бы завладеть нужной бумагой и уничтожить ее). Важно также отметить, что известны иные подобные дела, которые Кассационный департамент разрешил по-другому²³.

Теперь проиллюстрируем опасность дела Пономарёва как прецедента. Допустим, некто замыслил убийство и ночью выстрелил в окно дома. Злоумышленник знал, где находится спальня и кровать жертвы, но в момент выстрела этот человек не ночевал дома либо вышел в другую комнату. Пуля разбила окно, повредила постельные принадлежности и застряла в кровати. По смыслу второй части правовой позиции Кассационного департамента пустая постель не может быть объектом либо предметом умышленного убийства, а тело жертвы нападения не подверглось. Соответственно, виновный должен отвечать за умышленное уничтожение и (или) повреждение чужого имущества, а вот оснований для привлечения его к ответственности за покушение на убийство нет.

В объяснениях Редакционной комиссии представлен анализ судебной практики неко-

торых западных стран (Франции, Германии), которая оказалась непоследовательной и противоречивой. Для преодоления этого порока некоторые французские криминалисты (Garraud, Laine) предлагали *провести различие между абсолютно и относительно негодными объектами, признавая безнаказанность только случаев первого рода*²⁴.

Таким образом, *имелась насущная необходимость представить в отечественном уголовном законодательстве разумные и четкие критерии разграничения общественно опасных и неопасных деяний, при совершении которых лицо стремилось к достижению преступного результата, но не достигло его в силу заблуждения или случайности*.

Толкование ст. 47 Уложения 1903 г.

Вернемся к ст. 47 Уложения 1903 г. Ключевым моментом для ее понимания является уяснение того, что законодатель подразумевает под предметом преступного деяния. К сожалению, значение этого термина в Уложении 1903 г. не раскрывается.

В действующем российском уголовном законе также не дается определения данной категории, зато она законодателем и не используется. Соответствующее понятие разрабатывается в теории уголовного права, но его единообразного понимания среди правоведов нет (как, впрочем, нет единого мнения и по большинству любых иных вопросов). Вместе с тем к середине 1970-х гг. возобладала и до сих пор

²³ Так, в деле № 568, рассмотренном в 1868 г., было установлено, что обвиняемый, крестьянин Юхонов, взломал замки на риге с намерением украсть находившийся там хлеб, но намерение не осуществилось, поскольку в риге не оказалось хлеба. Защитник Юхонова в кассационной жалобе указал, что отсутствие предмета преступления делает невозможным как само преступление, так и покушение на него. Кассационный департамент нашел, что деяние вполне подходит под предусмотренное в законе понятие «покушение на преступление», а случайное отсутствие той вещи, на которую было направлено преступление, не лишает совершенные действия «преступного характера и не низводит на степень таких деяний, которые не заключают в себе ничего противозаконного и не подлежат наказанию» (Решения Уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената за 1868 г. Неофиц. изд. Екатеринослав : Тип. И. Когана, 1910. С. 616–617).

²⁴ Уголовное уложение. Объяснения к проекту Редакционной комиссии. СПб. : Гос. тип., 1895. Т. 1. Гл. 1. С. 390.

поддерживается большинством точка зрения, согласно которой предмет преступления — это вещь, элемент материального мира, на который осуществляется воздействие в ходе совершения преступления²⁵. Однако если опираться на данное определение, замысел разработчиков проекта Уложения 1903 г. будет существенно искажен. В представлении Редакционной комиссии предмет преступного деяния есть сложное (составное) понятие, поскольку соответствующий термин имел не менее трех значений, каждое из которых следует учитывать при раскрытии содержания ст. 47 Уложения 1903 г.

Всякое преступное деяние является отрицанием или противодействием велению или запрету, выраженному в законе. Отсюда *в первом значении предметом преступного деяния считается правовая норма*, обремененная в форму приказа или закона. Условия для применения ст. 47 Уложения 1903 г. могут сложиться, например, когда лицо, считающее, что некоторые вещи запрещены для ввоза в страну, скрытно (с использованием тайника) ввозит их через таможенную границу, но заблуждается относительно существования запрета и тем самым посягает на мнимую правовую норму.

Нормы права предусматривают субъективные права, носителями которых являются отдельный индивидуум, корпорация, общество в целом или государство. Это *субъективное право также могло быть предметом преступного деяния*, по представлению членов Редакционной комиссии, это второе значение данного термина. Субъективное право, как понятие отвлеченное, не обладает свойством годности (негодности) в качестве предмета посягательства, но

оно может существовать или не существовать, и в последнем случае усматриваются условия для применения ст. 47 Уложения 1903 г. Например, кто-то самовольно издает чье-либо сочинение и полагает, что тем самым учиняет контрафакцию (нарушает авторское право или исключительное право на результат интеллектуальной деятельности), что в определенных случаях находится под уголовно-правовым запретом. Издатель опасается уголовной ответственности, но сознательно идет на риск. Однако это лицо не учитывает, что с момента смерти автора прошло много лет и произведение перешло в общественное достояние (по законодательству конца XIX в. для этого требовалось 50 лет²⁶), соответственно, запрет утратил силу.

Субъективные права воплощаются в конкретных предметах: вещах, действиях и состояниях (здоровье, покой, тишина и пр.), охраняемых правовыми нормами. И на них также могут посягать противоправные деяния. Это *третье значение «предмета преступного деяния»*. Итак, предписание ст. 47 Уложения 1903 г. в качестве предмета охватывает те блага, которые в действительности не существуют или по какой-то причине не пользуются юридической охраной. Если же предмет преступного деяния существовал, обладал охраняемыми законом свойствами, но по какой-то случайности не находился в предполагаемом месте или подходящих условиях в момент посягательства, то оснований для применения ст. 47 Уложения 1903 г., по мнению Редакционной комиссии, не усматривается. Вор, который взломал замок сундука и обнаружил, что сундук пуст, виновен в покушении на кражу со взломом²⁷.

²⁵ В рамках такого понимания есть определенные вариации и нюансы, но суть отражена в приведенной формулировке. Подробнее см., например: Коржанский Н. И. Предмет преступления. Волгоград : Высш. следств. школа, 1976. С. 17 ; Кравцов С. Ф. Предмет преступления : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1976. С. 9 ; Курс уголовного права. Общая часть / под ред. Н. Ф. Кузнецовой и И. М. Тяжковой. М. : Зерцало, 2002. Т. 1 : Учение о преступлении. С. 216 ; Епифанов Б. В. Предмет преступления: понятие и проблемы правотворчества // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2015. № 2 (66). С. 71.

²⁶ В соответствии с Бернской конвенцией об охране литературных и художественных произведений, заключенной 9 сентября 1886 г. Причем Российская империя уже в преддверии этого события стала менять свое законодательство, выходить из других соглашений, которые противоречили данной Конвенции.

²⁷ См.: Уголовное уложение. Объяснения к проекту Редакционной комиссии. Т. 1. Гл. 1. С. 393.

Наконец, следует упомянуть, что *Редакционная комиссия в своих объяснениях (как и Кассационный департамент в рассмотренных решениях) не проводила различия между предметом и объектом преступного деяния, зачастую используя соответствующие термины как синонимы.*

Заключение

Всё сказанное позволяет сделать вывод, что законодатель в ст. 47 Уложения 1903 г. в полной мере использовал абстрактный прием подачи законодательного материала²⁸. Если сравнить формулировки, использованные для описания обстоятельств, исключающих преступность деяния, то следует заключить: в ст. 47 степень обобщения наибольшая. Такой подход требует высокого уровня развития юридической науки и образования, профессионализма и добросовестности правоприменителей, предполагает значительную роль высшего суда, обеспечивающего единообразную трактовку оценочных понятий, компенсирующего своими разъяснениями крайнюю лаконичность закона. При отсутствии перечисленного складываются условия для произвольного толкования право-

вых норм и нормативных предписаний, принятия несправедливых решений и злоупотреблений, уклонения от ответственности опасных преступников и наказания лиц, общественной опасности не представляющих, усиления коррупции и пр.

Необходимость в усовершенствовании уголовно-правового регулирования обстоятельств, которые исключают преступность деяния (включая корректировку перечня этих обстоятельств), существует и будет существовать, поскольку общество, его ценности, потребности и представления о справедливости меняются. Возникают новые угрозы и вызовы, требующие своевременного и адекватного реагирования. Следует также принимать во внимание новые научные результаты, прежде всего в области криминологии и в доктрине уголовного права.

Каким должно быть новое законодательное регулирование? При разрешении этого вопроса изучение прошлых эпох дает незаменимое руководство векового опыта, как отметил выдающийся русский правовед, государственный и общественный деятель Н. Д. Сергеевский. Для понимания, оценки и критики уголовного закона необходимо знать его историю; в противном случае все наши суждения лишены будут прочного основания²⁹.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Белогриц-Котляревский Л. С. Учебник русского уголовного права. Общая и особенная части. — Киев [и др.] : Южно-Русское кн-во Ф. А. Иогансона, 1903. — 618 с.
2. Гайков В. Т., Косарев А. В. Понятие обстоятельств, исключающих преступность деяния, и их классификация // Известия вузов Северо-Кавказского региона. Общественные науки. — 2005. — № 3. — С. 77–79.
3. Епифанов Б. В. Предмет преступления: понятие и проблемы правотворчества // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2015. — № 2 (66). — С. 70–74.
4. Колоколов Г. Е. Новое уголовное уложение: толкование и критический разбор. — М. : Типо-лит. Ю. Венера, преемн. О. Фальк, 1904. — 44 с.
5. Коржанский Н. И. Предмет преступления. — Волгоград : Высш. следств. школа, 1976. — 56 с.
6. Кравцов С. Ф. Предмет преступления : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Л., 1976. — 19 с.

²⁸ Подробнее об этом приеме см., например: Соловьев О. Г. К вопросу о соотношении абстрактного и казуистического приемов в конструировании норм уголовного права // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 2–3. С. 231–233.

²⁹ Сергеевский Н. Д. Русское уголовное право : пособие к лекциям. Часть общая. 9-е изд. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1911. С. 8.

7. Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1 : Учение о преступлении / под ред. Н. Ф. Кузнецовой и И. М. Тяжковой. — М. : Зерцало, 2002. — 624 с.
8. Ленин В. И. Государство и революция. — М. : АСТ, 2020. — 480 с.
9. Михайлов В. И. Институт правомерного вреда (обстоятельств, исключающих преступность деяния) в Уголовном уложении 1903 г. // Журнал российского права. — 2016. — № 5. — С. 65–72.
10. Пусторослев П. П. Русское уголовное право : Общая часть. — Вып. 1. — Юрьев : Тип. К. Маттисена, 1907. — 546 с.
11. Славин И. Вредительство на фронте советского уголовного права. — М. : Советское законодательство, 1931. — 111 с.
12. Сергеевский Н. Д. Русское уголовное право : пособие к лекциям. Часть общая. — 9-е изд. — СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1911. — 397 с.
13. Соловьев О. Г. К вопросу о соотношении абстрактного и казуистического приемов в конструировании норм уголовного права // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. — 2016. — № 2–3. — С. 231–233.
14. Стучка П. Пролетарская революция и суд // Пролетарская революция и право. — 1918. — № 1. — С. 1–8.

Материал поступил в редакцию 12 ноября 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Belogrits-Kotlyarevskiy L. S. Uchebnik russkogo ugovnogo prava. Obshchaya i osobennaya chasti. — Kiev [i dr.]: Yuzhno-Russkoe kn-vo F. A. Iogansona, 1903. — 618 s.
2. Gaykov V. T., Kosarev A. V. Ponyatie obstoyatelstv, isklyuchayushchikh prestupnost deyaniya, i ikh klassifikatsiya // Izvestiya vuzov Severo-Kavkazskogo regiona. Obshchestvennye nauki. — 2005. — № 3. — S. 77–79.
3. Epifanov B. V. Predmet prestupleniya: ponyatie i problemy pravotvorchestva // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. — 2015. — № 2 (66). — S. 70–74.
4. Kolokolov G. E. Novoe ugovnoe ulozhenie: tolkovanie i kriticheskiy razbor. — M.: Tipo-lit. Yu. Vener, preemn. O. Falk, 1904. — 44 s.
5. Korzhanskiy N. I. Predmet prestupleniya. — Volgograd: Vyssh. sledstv. shkola, 1976. — 56 s.
6. Kravtsov S. F. Predmet prestupleniya: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — L., 1976. — 19 s.
7. Kurs ugovnogo prava. Obshchaya chast. T. 1: Uchenie o prestuplenii / pod red. N. F. Kuznetsovoy i I. M. Tyazhkovoy. — M.: Zertsalo, 2002. — 624 s.
8. Lenin V. I. Gosudarstvo i revolyutsiya. — M.: AST, 2020. — 480 s.
9. Mikhaylov V. I. Institut pravomernogo vreda (obstoyatelstv, isklyuchayushchikh prestupnost deyaniya) v Ugolovnom ulozhenii 1903 g. // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2016. — № 5. — S. 65–72.
10. Pustoroslev P. P. Russkoe ugovnoe pravo: Obshchaya chast. — Vyp. 1. — Yurev: Tip. K. Mattisena, 1907. — 546 s.
11. Slavin I. Vreditelstvo na fronte sovetskogo ugovnogo prava. — M.: Sovetskoe zakonodatelstvo, 1931. — 111 s.
12. Sergeevskiy N. D. Russkoe ugovnoe pravo: posobie k lektsiyam. Chast obshchaya. — 9-e izd. — SPb.: Tip. M. M. Stasyulevicha, 1911. — 397 s.
13. Solovov O. G. K voprosu o sootnoshenii abstraktnogo i kazuisticheskogo priemov v konstruirovanii norm ugovnogo prava // Aktualnye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk. — 2016. — № 2–3. — S. 231–233.
14. Stuchka P. Proletarskaya revolyutsiya i sud // Proletarskaya revolyutsiya i pravo. — 1918. — № 1. — S. 1–8.